

МОРАЛЬ, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО

К.Х. Момджян

ОРИЕНТАЦИОННЫЕ И МОТИВАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ*

Момджян Карен Хачикович – профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: karm48@mail.ru

В статье рассматриваются знания и ценности как инварианты родового человеческого сознания, связанные с его ориентационной и мотивационной ролью в деятельности людей. Задачей ориентационного сознания является *познание* окружающего и охватывающего нас мира (существование которого постулируется как аксиома, сомнение в которой делает существование людей де-факто невозможным). Познание ищет собственную логику бытия воспринимаемого мира, дает нам верифицируемые *знания* о нем, отличные от незнаний и заблуждений. Мотивационная функция сознания предполагает экспертизу возможных реакций на безальтернативные влечения человека для выбора оптимального из вариантов поведения. Автор рассматривает три уровня мотивационной экспертизы – эмоциональный, рассудочный и облигаторный – которыми руководствуются люди, вынужденные выбирать между императивами приятного, полезного и должного. Мотивы долженствования образуют ценностное сознание людей – системную совокупность стратегических предпочтений, связанных с выбором приоритетных конечных целей жизни и, далее, фундированных ими потребностей. Конечные цели жизни автор связывает с генетически заданными экзистенциальными влечениями к сохранению факта и приемлемого качества жизни. Потребность рассматривается как объективно-реальное свойство социального субъекта испытывать надобность в том, что необходимо для достижения конечных целей жизни. Экзистенциальные влечения и потребности не могут быть «отменены» человеческой волей, что не мешает ей вмешиваться в процесс их реализации, делая возможным экзистенциальный выбор между бытием и небытием, а также ценностное ранжирование потребностей. В статье рассматривается детерминационная связь между исторически неизменными, видоспецифическими потребностями людей и их базовыми ценностями, имеющими универсальный характер. Различия в ценностном сознании людей, принадлежащих разным обществам и культурам, автор связывает не с набором базовых ценностей, а с субординационными связями между ними, которые формируют разные ценностные приоритеты. Автор настаивает на фундаментальном различии между знаниями и ценностями,

* Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00440 «Анализ социальной каузальности и инвариантов общественного развития как метод преодоления фрагментации социально-философского познания».

которое связано с разным отношением к институту истины, неverifiedируемостью ценностных предпочтений человека, ориентированных на мир должного, а не сущего.

Ключевые слова: человек, общество, мышление, сознание, познание, мотивация, истина, ценности, свобода воли, потребности, интересы

Для цитирования: Момджян К.Х. Ориентационные и мотивационные детерминанты общественного сознания // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 4. С. 5–22.

Настоящая статья продолжает ряд работ автора, посвященных анализу родовой сущности человека, рассмотренной через призму субстанциально-деятельностного подхода¹. Хорошо известно, что вопрос о сущностных свойствах, определяющих качественную самоидентичность человека, по-разному понимается учеными. В одном случае человека определяют как “существо, способное создавать орудия труда” (Б. Франклин), связывая его сущность с особым типом *поведенческой адаптации к среде*, основанной на *орудийном отношении* к ней. Согласно другому подходу системообразующим основанием человеческого образа жизни является не орудийность, а особый тип *информационного поведения в среде, основанный на абстрактно-логическом, вербально-понятийном мышлении*. Соответственно, человека определяют как мыслящее, сознательное и потому *разумное* существо, способное к нестандартному поведению в нестандартной ситуации.

Я убежден в справедливости второй точки зрения. Конечно же, рефлекторная орудийность, присущая животным предкам человека, возникает задолго до абстрактного мышления и влияет на его формирование. Однако радикальный переход от биологического существования к человеческому образу жизни инициируется именно мышлением, которое создает сложно-структурированную систему человеческого *сознания*. Сознание, в свою очередь, институализируется в *культуре*, которая представляет систему общезначимых символических программ мышления и чувствования, связанных нитями логической, аксиологической и стилиевой зависимости. Именно сознание, ставшее культурой, превращает орудийную активность животных в осознанный человеческий труд, трансформирует биологическую коллективную в сообщество людей, основанное на принципах солидаризма, институционального разделения труда и нормативной регуляции поведения.

Этот тезис, конечно же, не следует трактовать в духе социально-философского идеализма, который превращает сознание в полновластного демиурга общественной жизни. Признавая статус сознания как *differentia specifica* человеческой сущности, мы не должны превращать его в самодостаточную субстанцию социального. Таковой является не сознание людей, а их *деятельность*, в которой сознание играет роль уникального информационного механизма, отличающего *modus vivendi* человека от прочих форм существования в мире.

В настоящей статье я хотел бы рассмотреть ориентационные и мотивационные компоненты сознания, представленные *знаниями и ценностями*, которые играют важнейшую роль в деятельности людей. Начну с краткой

¹ См.: Момджян К.Х. Субстанциальный подход в теоретическом обществознании, его необходимость и принципы // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 71–82.

характеристики сознания, которое создается способностью человека к вербально-понятийному мышлению.

Мышление и сознание

Абстрактно-логическое мышление представляет собой особый информационный механизм, позволяющий людям ориентироваться в среде существования и программировать свое поведение в ней. *Ориентационная специфика* мышления связана со способностью абстрагироваться от случайных различий между объектами и процессами, свойствами и состояниями воспринимаемого мира, обнаруживать существенные сходства и необходимые связи между ними, что позволяет человеку познавать, осознавать, прогнозировать и проектировать природную и социальную реальность. Такой тип ориентации обуславливает *реактивную* специфику человеческого мышления, связанную со способностью *выбирать* поведенческие реакции на безальтернативные влечения, подвергая их мотивационной экспертизе и ценностному ранжированию (эту способность принято называть *свободой воли*, хотя свободный выбор человека лишь завершается процедурами воления).

Сознанием я называю высший из уровней развития *психики*, которая в своем общем виде представляет собой способность живых систем, имеющих центральную нервную систему и специализированные органы чувств, создавать «субъективный образ объективного мира», т.е. *моделировать* реальность в диапазоне от простейших восприятий (делящих мир на вещи и чувственные образы вещей) до сложнейших понятийных конструктов, воспроизводящих фрагменты реальности, которые отсутствуют в сенсорном поле, недоступны чувственному восприятию.

Психика человека включает в себя всю совокупность информационных процессов, как *специфичных* для человека, так и *неспецифичных* для него. К числу последних относятся экстерорецептивные и интерорецептивные ощущения, восприятия, представления, базовые эмоции, потребностные влечения, безусловные и условные рефлексы и другие факторы психики, присутствующие и людям, и животным. Совокупность этих феноменов образует область *внесознательного* в психике людей, которая в существенной мере автономна от мышления (хотя и испытывает влияние с его стороны).

Что касается сознания, оно включает в себя специфичные для человека психические процессы, основанные на абстрактно-логическом, вербально-понятийном мышлении и невозможные без него. Мышление является фундаментом сознания, но это не значит, что любое и каждое социальное действие, отличное от рефлекторных реакций организма, имеет своей *непосредственной причиной* процедуры дискурсивного мышления, в которых ментальное проектирование действий (воображаемые операции с воображаемыми объектами) предпосылается реальному воздействию на мир. Мыслительные процедуры в их чистом виде не исчерпывают сферу сознания, создавая системообразующую для нее, но не единственную область *сознательного* в ней. Эту фразу не следует воспринимать как тавтологию, поскольку неотъемлемой частью человеческого сознания (отличной от внесознательного в психике) являются сферы *бессознательного*, *подсознательного* и *надсознательного*, которые обусловлены мышлением, но не используют его в качестве «операционального механизма» социальных действий.

Хочу еще раз подчеркнуть, что все названные факторы сознания имеют своей основой вербально-понятийное мышление и потому в своем ставшем виде присущи только человеку. Нас не должны обманывать данные «приматологической революции», которые свидетельствуют о том, что наиболее развитые животные способны демонстрировать элементы абстрактного мышления, основанного на символизации объектов и действий (понимая под символом любой объект или процесс, включенный в *отношения представленности*, «являющий собой иное»). Некоторые приматологи полагают, что эти данные «существенно подрывают традиционные представления о качественной уникальности человека и делают поиски пресловутой грани между ним и человекообразными обезьянами малоперспективными»².

Уверен, что такие утверждения основаны на непонимании принципов научной таксономии, в соответствии с которыми различие между сопоставляемыми объектами определяет не только их элементный состав, но и субординационная связь между элементами. Не будем забывать, что животным свойственны лишь простейшие невербальные формы мышления, которые проявляют себя в условиях «развивающего эксперимента», поставленного человеком. Очевидно, что «удельный вес» мыслительных операций в жизнедеятельности животных ничтожен – они не являются неотъемлемой чертой образа жизни, имеющей эволюционное значение для развития вида, как это происходит в случае с человеком.

Перейдем теперь к рассмотрению интересующих нас компонентов сознания, связанных с *ориентационной* и *мотивационной* функциями психики. Первая из них присуща всем живым организмам, имеющим психику, и состоит в распознавании состояний внешней и внутренней (организмической) среды, отвечающем на вопрос «Что происходит со мной и вне меня?». Мотивационная функция специфична для человека и предполагает оценку возможных вариантов поведения, которые он считает наилучшими для себя³. Каждая из этих функций порождает инвариантные состояния сознания, выступающие в качестве идеальных компонентов родовой природы человека. Начнем с краткой характеристики продуктов ориентационной активности сознания, представленных *знаниями* о мире и месте человека в нем.

Знание как ориентационный компонент родового человеческого сознания

Мышление человека дополняет присущую ему чувственную ориентацию в среде ориентацией *интеллектуальной*, основанной на *познании* при-

² Бутковская М.Л. Эволюция человека и его социальной структуры // Природа. 1998. № 9. С. 93.

³ Помимо функций ориентации и мотивации сознание человека осуществляет проектную и реактивную функции. Задачей проектного сознания является выработка субъективных целей деятельности, представляющих собой идеальный образ желаемого результата, конструируемый сознанием, а также создание программ деятельности, соединяющих представление о цели с представлением о способах и средствах ее достижения. В рамках реактивной функции сознание выходит за пределы целепостановки и включается в процесс целереализации, актуализируя операциональные стереотипы (установки) поведения и осуществляя волевую мобилизацию к действию. Анализ названных функций не входит в рамки задачи настоящей статьи.

родной и социальной действительности. Под познанием я понимаю попытку человека *понять* окружающий и охватывающий его мир *в собственной логике его бытия* (в гегелевском понимании логики), которая дана субъекту познания принудительно и не зависит от его предпочтений. Имеется в виду тот факт, что человек «заброшен» в мир, который подчиняется собственным онтологическим законам, качественно отличным от деонтологических законов, устанавливаемых людьми. Хотим мы этого или нет, но мир устроен так, что физические тела при нагревании расширяются, а на тело, погруженное в воду, действует сила, равная массе вытесненной телом воды. Подобные свойства мира могут и должны использоваться человеком, но не могут быть изменены им.

Важно подчеркнуть, что объективная законосообразность явлений при-суща не только природной, но и социальной реальности. Люди, как справедливо утверждал К. Маркс, сами «делают свою собственную историю, но они делают ее не так, как им нравится»⁴. Творящий историю человек подчиняется объективным законам экономической, социальной, политической и духовной жизни, которые не зависят от человеческой воли почти в той же степени, что и законы неживой и живой природы.

Существование собственной логики мира очевидно для ученых, убежденных в том, что наука обязана «предугадать поведение реальности, не зависящее от наших убеждений, амбиций или надежд»⁵. Иначе обстоит дело с философами, которым приходится признать, что наличие собственной логики мира не может быть доказано средствами научного дискурса, поскольку само существование этого мира не поддается однозначному научному доказательству. Иммануил Кант говорил в этой связи о «скандале в философии»⁶, суть которого состоит в том, что человек может судить о мире лишь на основе собственных психических восприятий и не в состоянии доказать, что за ними стоит отличный от психики мир ноуменов – «вещей в себе», существующих независимо от человеческого восприятия.

Все это не значит, однако, что мы обязаны занять позицию солипсизма. В самом деле, не имея возможности *доказать* существование внешнего мира, мы одновременно не можем позволить себе сомневаться в нем, поскольку это сомнение делает невозможным практическое существование людей. У нас нет разумной альтернативы решению, которое признает существование внешнего мира *аксиомой* для человека, желающего длить свое бытие в этом воспринимаемом им мире.

Реализация этой цели невозможна без познания мира – ориентационной активности сознания, которая ищет *знания* о мире, отличные от незнаний и заблуждений, и говорит с нами на языке *суждений истины*, поддающихся верификации, фальсификации и другим способам гносеологической экспертизы на истинность.

Излишне говорить, что идея «явленности» мира человеку никак не исключает наличия объективной истины, о которой свидетельствует законосообразность человеческих восприятий. Нет, не было и не будет психически адекватных людей, в восприятии которых сосулька, сорвавшаяся с крыши,

⁴ Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 8. М., 1957. С. 115.

⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 44.

⁶ Кант И. Критика чистого разума. М., 2015. С. 47.

летела бы вверх, а не вниз, а чугунная гиря, брошенная в воду, плыла бы, а не тонула. Констатируя этот факт, разные философские школы по-разному объясняют подобную регулярность восприятий. Сторонники философского материализма считают интерсубъективные состояния сознания следствием объективной законосообразности мира, отображаемого этим сознанием. Кант и его последователи считают, что закономерности сознания имеют своим источником априорные формы самого сознания, которое структурирует мир, привнося в него пространственные, временные, причинные и прочие регулярности. Отвлекаясь от этих важных, но не релевантных нашей теме споров, можно утверждать, что и в том и в другом случае трезвый философский ум не может ставить под сомнение сам факт существования объективной, не зависящей от человеческих предпочтений истины. Конечно, мы не можем трактовать ее как «соответствие знаний действительности», которая дана нам в восприятиях, но мы можем и должны понимать истину как «согласие разума» с самим собой и с данными чувственного опыта.

Поскольку наличие знаний является необходимым условием выживания людей, мы можем и должны рассматривать их как неотъемлемый компонент родового человеческого сознания, не делая исключения для первобытных людей с присущим им синкретическим мифологическим сознанием, в котором различие между «истинным» и «ложным» еще не артикулировано де-юре, но уже существует де-факто. Известный лозунг Огюста Конта «знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы мочь» действует на всех этапах человеческой истории независимо от уровня духовного развития людей.

В этом плане ориентационная деятельность человека, дающая необходимые знания о мире, возникает задолго до появления профессиональной науки – высшей из форм ориентации, которая не исчерпывает собой этот вид духовной активности. Истинное знание ищет не только ученый, но и любой человек, желающий знать, что и как случилось в интересующем его мире.

Продолжая краткую характеристику когнитивного компонента родового человеческого сознания, следует выделить два разных вида необходимых человеку знаний. Первый из них представлен *объектно-ориентированными знаниями*, которые представляют собой информацию о реалиях окружающего нас мира, отличных от человека и рассмотренных «в себе и для себя» – безотносительно их значения для человеческой жизни. Второй тип представлен *субъектно-ориентированными знаниями*, которые раскрывают объективную, независимую от человеческих предпочтений *значимость* этих реалий для живущих в мире людей. Примером объектно-ориентированных знаний являются, к примеру, данные ботаники о собственных свойствах растений семейства пасленовых, именуемых *Nicotiana*; примером субъектно-ориентированных знаний являются медицинские знания о вредоносном воздействии, которое оказывают определенные виды семейства *Nicotiana* на дыхательную систему курильщика.

Субъектно-ориентированные знания представляют собой один из видов *оценочных* суждений человека, если понимать под оценкой способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта. Подчеркну, речь идет об установлении *объективной*, не зависящей от человеческих мнений значимости (полезности или вредности) объектов и процессов окружающего мира, соотношенных со столь же объективными потребностями и интересами человека. К таким *суждениям значимости* относятся:

1) суждения о безальтернативных предпочтениях человеческого тела; 2) суждения о средствах, используемых человеком для достижения той или иной цели (поскольку характер цели предопределяет характер средств, годных или негодных для ее реализации). В любом случае суждения значимости вполне поддаются процедурам гносеологической верификации и потому могут и должны использоваться наукой, способной *доказать*, к примеру, вред табака для здоровья людей или экономическую неэффективность тотального планирования.

Возможность гносеологической апробации отличает *суждения значимости* от иного вида оценочных суждений, именуемых *суждениями ценности*, которые представляют собой специфический продукт не ориентационной, а *мотивационной* функции сознания, которую нам предстоит рассмотреть.

Феномен мотивации. Уровни мотивационной экспертизы в структуре родового человеческого сознания

Категории «мотив», «мотивация» считаются достоянием психологической науки, которая, к большому сожалению, использует эти категории в самых различных, несовпадающих и нередко противоречащих друг другу значениях⁷. В моем понимании мотивация представляет собой особую функцию сознания, связанную со способностью людей подвергать эмоциональной, рассудочной и облигаторной экспертизе возможные поведенческие реакции на испытываемые человеком влечения с целью выбора оптимальных, по его убеждению, вариантов поведения.

Я полагаю, что способность к такому выбору является исключительным достоянием человека и отсутствует у других живых систем, способных к поведению. Конечно, высокоразвитые представители фауны способны вести себя вариативно, предпочитая в одной ситуации пищу сексу, а в другой – секс пище. Однако подобная вариативность не предполагает **свободного выбора** вариантов поведения по той причине, что действия животного зависят от силы испытываемого влечения и предопределяются ею.

Люди ведут себя по-другому. Как и всякое живое существо, обладающее психикой, человек также испытывает безальтернативные эмоциональные влечения, вызванные актуализацией его базовых нужд, а также высших экзистенциальных потребностей, которые отсутствуют у животных. Сила испытываемого влечения, несомненно, *влияет* на поведение людей, но она не *предопределяет* его, как это происходит в случае с животными. Человек далеко не всегда уступает сильнейшему из психофизиологических влечений благодаря наличию *мотивационной экспертизы поведения*, результат которой не предзадан их интенсивностью.

Это значит, что только человек способен сознательно отказываться от еды в ситуации, когда испытывает муки голода, подавлять парализующий страх или сильнейшее половое влечение, блокировать эти позывы, а не подчиняться им, как это делает животное.

Конечно, свобода поведенческого выбора *не является абсолютной* – она ограничена тем, что в любой ситуации каждый человек *стремится к «лучшему» для себя и не может стремиться к «худшему» как к самоцели*

⁷ См.: Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002.

(выбор «худшего» всегда есть средство обретения «лучшего», об этом ниже). Это обстоятельство *ограничивает* свободу нашей воли, но не *отменяет* ее, поскольку в выборе «лучшего» человек субстанциально свободен. Этот выбор определяется наличием у людей трех конкурирующих *уровней мотивации*, каждый из которых имеет свои критерии «лучшего», предпочтительного для человека.

Первым из этих уровней является *эмоциональная мотивация*, которая основывается на различии «приятного» и «неприятного» – в этих рамках наилучшим признается такой вариант поведения, который доставляет человеку прямое эмоциональное *удовольствие*⁸.

Говоря об эмоциональной мотивации человека, следует иметь в виду, что предпочтение «приятного» «неприятному» присуще не только людям, но и животным, которые обладают психикой и так же, как люди, стремятся максимизировать удовольствия, доставляемые жизнью, и минимизировать причиняемые ею страдания. Однако в случае с животными такое предпочтение *нельзя считать мотивационным*, поскольку мотивация как функция психики возникает лишь при наличии *свободного выбора вариантов*, который отсутствует в случае безальтернативного предпочтения «приятного» «неприятному». Такой выбор есть лишь у человека, для которого эмоциональное удовольствие является лишь одним из конкурирующих мотивов поведенческого выбора. В структуре человеческой мотивации, как известно, наличествуют два дополнительных уровня экспертизы действий, которые настраиваются над эмоциональными влечениями и способны контролировать их.

Один из этих уровней представлен *рассудочной мотивацией*, для которой критерием лучшего из решений является его максимальная *полезность*⁹ и *фактическая осуществимость*, устанавливаемая процедурами дискурсивного мышления. Наличие рассудка, способного контролировать эмоции, существенно расширяет диапазон человеческих решений, создавая один из сценариев мотивационного выбора, которого нет у животных (если бы кошка могла руководствоваться рассудком, хозяину не пришлось бы заворачивать ее в полотенце, заставляя животное проглотить нужное ему лекарство).

Еще один уровень оценки связан с безусловной монополией человека на *облигаторную экспертизу поведения*, для которой критериями «лучшего» становятся представления о «должном» и «недолжном», «достойном» и «недостойном», «приличном» и «неприличном» для человека. Именно эти

⁸ Последнее не следует путать со значительно более сложным чувством *удовлетворения*, которое связано с успешной реализацией поставленной цели. Человек может испытывать удовлетворение от того, что проявил силу воли, отказавшись от вкусной, но вредной пиццы, или заставил себя навести порядок на небрунной кухне. Это чувство, имеющее рассудочную основу, существенно отличается от эмоционального удовольствия, которое доставляет нам вкусная еда, но не мутье пригоревших сковородок или грязного пола.

⁹ Я полагаю, что полезность явления определяется его способностью удовлетворять те или иные потребности и интересы человека, не причиняя ущерба удовлетворению других его нужд. Эта оговорка необходима для того, чтобы избежать универсализации категории «польза», при которой «полезными» могут быть названы действия, удовлетворяющие одну из потребностей путем понижения общего качества жизни или ее фактической деструкции. В таком широком понимании «полезной» может быть названа любая деструкция, вызванная неслучайными потребностными причинами. Не думаю, что самоубийство человека следует считать «полезным» для него действием несмотря на то, что оно выступает как *ultima ratio* защиты свободы или достоинства человека.

мотивы долженствования лежат в основе *ценностных приоритетов человека*, которые нам предстоит рассмотреть.

Пока же следует сказать, что представления о должном и недолжном, направляющие наше поведение, несомненно, зависят от норм культуры, которые были усвоены, интериоризованы людьми в процессе социализации. Речь идет прежде всего о нормах морали, представляющей собой набор неформальных, конвенционально выработанных правил, регулирующих поведение человека в обществе, одобряемое или неодобряемое общественным мнением.

Это не значит, однако, что мотивы долженствования людей всегда соответствуют принятым в обществе моральным нормам. Человек, отвергающий общепризнанную мораль, не перестает быть носителем облигаторной мотивации, поскольку не ограничивается соображениями сиюминутного удовольствия и сиюминутной пользы, имея свои собственные представления о *должном* способе существования в мире. В основе мотивов долженствования лежит способность человека к *типизации поведенческих ситуаций*, выработке общих правил поведения, которые действуют независимо от конкретных обстоятельств происходящего. Благодаря абстрагирующей силе мышления, эти представления превращаются в том числе в *жизненные принципы*, предписывающие *стратегическую линию должного поведения* в событийно разных, но сущностно схожих обстоятельствах (в этом плане черта человеческого характера, маркируемая как «беспринципность», должна рассматриваться как несомненный принцип поведения).

Хорошо известно, что конкурирующие уровни мотивации вызывают постоянные конфликты в сознании людей, вынужденных делать непростой выбор между императивами «приятного», «полезного» и «должного». Исход подобных конфликтов неочевиден не только для внешнего наблюдения, но и для самого человека, способного на спонтанные, неожиданные для себя решения. Это обстоятельство делает индивидуальное (но не коллективное) поведение людей теоретически непредсказуемым.

Перечисленные уровни мотивационного сознания образуют его своеобразную «инфраструктуру», которая определяет *критерии* решений, принимаемых свободной человеческой волей¹⁰, но не *содержание* этих решений,

¹⁰ В настоящей статье я не имею возможности полемизировать с учеными, которые отрицают свободу человеческой воли, поскольку убеждены в том, что любое человеческое решение предопределено неконтролируемыми нейронными процессами, происходящими в коре головного мозга (такова, к примеру, точка зрения известного нейроэндокринолога Р. Сапольски, см.: *Сапольский Р. Биология добра и зла. М., 2019*). Я согласен с тем, что подобная неподконтрольность присуща некоторым эмоциональным предпочтениям человека (который способен по непонятным для себя причинам отказываться от привычной чашки кофе ради чашки чая – в таких случаях нам не следует говорить: «Я захотел», уместнее будет безличное выражение: «Мне захотелось»). Однако подобная нейронная предестинация, ограничивающая человеческую субъектность, не работает в случае с рассудочными предпочтениями человека и присущими ему мотивами долженствования. Последние являются продуктом осознанного свободного выбора, в котором некоторое «надбиологическое Я», структурно неотделимое от мозга, дает ему осознанные и обязывающие распоряжения еще не понятным современной науке способом (который должны объяснить нам нейрофизиологи вместо того, чтобы ставить под сомнение очевидную субъектность человека). Рассудочное и ценностное сознание человека программируется не физиологией мозга, а целерациональным расчетом обстоятельств и алгоритмами культуры, которая, как признает Э. Уилсон, «развивается в ответ на изменение окружающей

зависящее от такого важнейшего компонента мотивации, как человеческие ценности.

Ценности в структуре родового человеческого сознания. Ценности и экзистенциальные влечения человека

Отвергая объектную и реляционную трактовку ценностей¹¹, я рассматриваю их как высший из компонентов мотивационного сознания, представленный *стратегическими* предпочтениями человека, формирующими его представления о должном поведении в мире. Подобный подход предлагает различение ценностей как имманентных сознанию *векторов* поведения и *объектов ценностного предпочтения*, именуемых *благами*. Последние представляют собой не только нужные человеку объекты, но и *экзистенциальные состояния социального субъекта*, связанные с удовлетворением его витальных и бытийных потребностей. Благами в такой трактовке являются жизнь, здоровье, безопасность, свобода, знание, красота и прочие желаемые состояния человека, которые не следует называть ценностями – таковыми являются *мотивационные влечения* к этим благам, рассмотренным в качестве приоритетных целей жизни.

Трактуя ценность как *стратегическое* предпочтение человека, я исхожу из того, что далеко не всякое предпочтение имеет ценностный характер – к примеру, выбирая блюда в ресторанном меню или марку холодильника для домашней кухни, человек руководствуется эмоциональными и рассудочными предпочтениями, не имеющими прямого отношения к человеческим ценностям. Я полагаю, что выбор становится ценностным лишь тогда, когда он затрагивает *конечные цели жизни*, распространяясь, далее, на фундаментальные этими целями *потребности* человека.

Говоря о конечных целях жизни, я использую широкое понимание категории «цель», обозначающее любой информационный сигнал, предпосланный действию, вызывающий его и ориентирующий в заданном направлении. Такому «кибернетическому» пониманию соответствуют не только сознательные человеческие цели, создаваемые проектной подсистемой психики, но и *экзистенциальные влечения*¹², которые предписаны всякому живому существу, обладающему психикой, включая человека. Речь идет об «инстинктоподобных» (А. Маслоу) влечениях к сохранению: 1) *факта жизни*;

среды и исторической обстановки», хотя «траектория ее развития определяется врожденными свойствами человеческой природы» (Уилсон Э. Природа человека. М., 2015. С. 11).

¹¹ См.: Момджян К.Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25–41.

¹² В отличие от желаний, намерений и других осознаваемых и избираемых человеком *стремлений*, влечения представляют собой генетически заданные, объективные состояния психики, которые осознаются человеком лишь в результате специальных усилий, необходимых для того, чтобы понять, куда и почему его влечет. Автор различает *потребностные влечения*, вызываемые актуализацией тех или иных нужд, процесс которой не осознается человеком («Id» в доктрине Фрейда) и *экзистенциальные влечения*, которые логически предшествуют потребностям – подобно тому, как цель предшествует средствам своей реализации.

2) приемлемого качества жизни, воспринимаемого живой системой как комфортное¹³.

Наличие первого из названных влечений означает, что всякий психически здоровый человек «запрограммирован» воспринимать жизнь как условно желаемое благо. Даже тогда, когда жизнь причиняет людям страдания, они считают злом не жизнь как таковую, а некомфортные состояния этой жизни, о которых говорят – «это не жизнь».

Я отдаю себе отчет в том, что это утверждение противоречит мнению З. Фрейда, который считал, что влечение длить свою жизнь является лишь одной из экзистенциальных целей жизни, которой противостоит другая предзаданная цель – *влечение к смерти*, представляющее собой неосознаваемое человеком стремление к саморазрушению¹⁴. При всем уважении к великому ученому, я не могу считать «влечение к смерти» нормой для человека, свободного от мучительных депрессий, которые подлежат медицинскому лечению, но не всегда поддаются ему.

Нет сомнений в том, что деструктивные формы поведения, обращенные на самого себя, свойственны и психически адекватным людям. Думаю, однако, что в непатологических случаях все формы саморазрушения мотивированы не танатосом, «инстинктом смерти», а неискоренимым стремлением человека к обретению «лучшего» для себя. Люди, истязавшие свою плоть из религиозных соображений, делают это для обретения «подлинной», очищенной от мирских соблазнов жизни. Люди, совершающие самоубийство, защищают себя от опасностей *худших, чем смерть*, жертвуют благом жизни ради ценностей, более важных, чем выживание. Во всех непатологических случаях самоубийство осуществляется не потому, что человек испытывает необоримое стремление убить себя – благом жизни жертвуют в соответствии с формулой «лучше я умру, чем...»¹⁵.

Из сказанного следует, что второй конечной целью жизни является инстинктоподобное влечение к «лучшему», которое предполагает поддержание и оптимизацию желаемого качества жизни. Эта оптимизация, как полагал еще Эпикур, осуществляется путем минимизации страданий, причиняемых жизнью, и максимизации доставляемых ею удовольствий (которые, конечно же, не сводятся лишь к «радостям» плоти).

¹³ Я называю эти цели конечными, поскольку на них заканчивается действие *промежуточных* целевых причин действия, отвечающих на вопрос: «зачем?». Мы знаем, к примеру, зачем человек стремится обрести интересную работу или семейное счастье – его целью является оптимизация качества жизни, стремление «жить хорошо», «получать удовольствие от жизни». Но совершенно бессмысленным является вопрос «зачем человеку получать удовольствие от жизни? Мы знаем, почему это так – таково устройство человека, имеющего это стремление в качестве одной из конечных целей жизни. На вопрос: «Зачем это так?» – мог бы ответить лишь Господь Бог, если допустить, что именно он создал человека.

¹⁴ См.: Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990. С. 415.

¹⁵ Многие мыслители, как известно, возражали против «нормализации» Фрейдом человеческого стремления к саморазрушению. К их числу относился, в частности, А. Маслоу, критиковавший теорию, согласно которой «стремление или потребность требует ликвидировать самое себя... Впадая во вполне логичную крайность, – писал Маслоу, – мы упираемся во фрейдово “стремление к смерти”. Ангъял, Голдстейн, Олпорт, Ш. Бюлер, Шахтель и др. подвергли убедительной критике этот, в сущности, образующий порочный круг подход» (Маслоу А. На подступах к психологии бытия. М.; Киев, 1997. С. 61).

Обе конечные цели относятся к *объективным состояниям психики*, генезис которых не зависит от воли человека. Но это не значит, что эти цели *автоматизируют* поведение людей. Присущая нам свобода воли не может «отменить» сам факт экзистенциальных влечений и их принудительное воздействие на поведение, однако сознание человека властно вторгается в процесс *реализации* этих влечений.

Как следствие, генетически заданное влечение к жизни не отменяет беспрецедентную способность человека преодолевать его, осознанно и добровольно отказываясь от жизни¹⁶. Было бы ошибкой трактовать такой отказ как «нарушение» общебиологического закона самосохранения, который в случае с человеком означает всего лишь *наличие* неустранимого влечения к жизни, но не безальтернативность его *реализации*. Более того, отказ от факта жизни представляет собой одну из двух форм самосохранения, которое предполагает не только телесную сохранность человека, но и сохранение его социокультурной идентичности, требующей оптимального качества жизни. Конечно, умерев, человек утрачивает вместе с жизнью всякое присущее ей качество. Однако для людей с бытийной мотивацией важным является не то, что будет после смерти – для них принципиально до последних секунд жизни сохранять свою свободу, достоинство и другие приоритетные блага человеческого бытия.

Итак, мы видим, что «началом начал» ценностной мотивации является принципиальный выбор между двумя конечными целями жизни, который становится актуальным в т.н. «пограничных ситуациях» (К. Ясперс), в которых нельзя сохранить одновременно и факт, и достойное качество жизни. Вместе с тем ценностный выбор не ограничивается дилеммой «быть или не быть», мучавшей шекспировского персонажа – он распространяется не только на конечные цели человека, но и на его потребности, удовлетворение которых является непременным условием реализации этих целей.

Ценности и потребности

Проблеме потребностей посвящен ряд публикаций автора¹⁷, что позволяет мне ограничиться кратким напоминанием о ключевых свойствах этого феномена. Потребность понимается мною как свойство всякой живой системы (включая человека) испытывать надобность в том, без чего жизнь или невозможна, или некомфортна. Я отличаю потребность: 1) от *надобности*, понятой как *отношение необходимости*, стороной которого является

¹⁶ Современная наука отвергает мнение о том, что животные способны разделять с человеком «способность к самоанализу и волю, включая волю к самоубийству от горя или ярости». Рассказы о намеренном самоубийстве животных рассматриваются учеными как «антропоморфные сказки». Конечно, собака, потерявшая любимого хозяина, может впасть в тяжелую депрессию, которая сопровождается отказом от пищи, способным привести к смерти. Однако, как утверждает психиатр Антонио Прети из итальянского Университета Кальяри, считать, что животное «умерло по своей воле, как умирает человек после смерти супруга, означает просто проецировать на него в романтическом духе человеческий подход».

¹⁷ См., к примеру: *Момджян К.Х.* Универсальные потребности и родовая сущность человека // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 3–14.

носитель потребности; 2) от предмета потребности (объекта, необходимо для ее удовлетворения); 3) от нужды, представляющей собой состояние актуализированной потребности, требующей немедленного удовлетворения; 4) от проекций потребности в психике человека, представленных вызываемыми ею ощущениями и стремлениями (не следует путать голод как состояние актуализированной пищевой потребности с порождаемым ею чувством голода).

Очевидно, что выбор в пользу влечения длить свою жизнь «обрекает» человека на удовлетворение своих витальных потребностей, депривация которых ведет к смерти. Ценностно мотивированный отказ от удовлетворения своих витальных нужд для человека возможен, но он означает осознанный отказ от жизни (по принципу «не дышишь – значит, умер», «не ешь – значит, умрешь»). Такой выбор, конечно же, не исчерпывает ценностную экспертизу потребностей, осуществляемую мотивационным сознанием, поскольку потребности людей не ограничиваются витальными нуждами, но включают в себя большое число бытийных потребностей, возникающих как результат человеческой способности символизировать мир. Их удовлетворение необходимо для сохранения и оптимизации желаемого качества жизни, их депривация ведет не к смерти, а к неизбежным дисфункциям человеческой психики (от неврозов до психозов), которые Абрахам Маслоу называл «болезнями лишения».

К числу бытийных потребностей тот же Маслоу относил потребность в любви, потребность в принадлежности, потребность в признании (которая распадается на потребность в самоуважении и потребность в самоутверждении), потребность в самоактуализации, потребность в познании и осознании мира и эстетическую потребность в творении и/или переживании красоты¹⁸. Свое бытийное измерение имеет и комплексная потребность в безопасности – в том случае, если речь идет о защите от деструкций, обращенных не на факт, а на качество жизни (защита собственности, свободы, достоинства и т.д.)¹⁹.

Бытийные потребности, как и потребности витальные, даны человеку принудительно – наша воля не способна отменить сам факт их существования и принудительного воздействия на поведение. Но, как и в случае с экзистенциальными влечениями, сознание активно вмешивается в процесс удовлетворения потребностей. Человек существует в ситуации постоянного мотивационного конфликта, связанного с ценностным ранжированием бытийных потребностей, их делением на первостепенные и второстепенные, подлежащие и не подлежащие удовлетворению²⁰.

¹⁸ См.: Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб., 2008.

¹⁹ К набору бытийных потребностей, выделяемых Маслоу, я добавил бы еще потребность в свободе (с той оговоркой, что речь идет о внутренней свободе целестановки, а не внешней свободе целереализации), и потребность в справедливости, под которой я понимаю соответствие между даянием и воздаянием, необходимое человеку – люди, увы, далеко не всегда справедливы к другим, но безальтернативно требуют справедливости в отношении самих себя.

²⁰ Примеры такого конфликта многочисленны. Многим танцовщицам приходилось и приходится делать мучительный выбор между потребностью в самореализации на балетной сцене и потребностью в любви и принадлежности, которая побуждает женщину к материнству, угрожающему театральной карьере. С необходимостью ценностного ранжирования потребностей сталкиваются ученые, вынужденные выбирать между удовлетворением своей когнитивной потребности, побуждающей их к анализу человеческого генома, и потребностью в коллективной и личной безопасности, которую ставят под угрозу такие

Признавая теснейшую связь между потребностями и ценностями человека, я использую ее для классификации последних, дающей аргументированный ответ на вопрос о существовании универсальных общечеловеческих ценностей, под которыми понимаются *одинаковые* мотивационные предпочтения, присущие людям, независимо от этнических, конфессиональных и прочих различий между ними.

Схожесть (но не общность!) человеческих ценностей я связываю с постоянством человеческих потребностей, которые имеют *исторически неизменный* характер. Полагаю, что за тысячелетия своей истории наш вид не обрел ни одной новой потребности – с ходом истории меняются лишь способы и средства удовлетворения человеческих нужд, но не характер последних. Будучи исторически неизменными, потребности человека имеют *видоспецифический* характер, т.е. присущи всем людям, имеющим одинаковый набор фундаментальных нужд²¹.

Как бы то ни было, именно одинаковость человеческих потребностей вызывает одинаковые мотивационные стремления людей к «лучшему», которые образуют систему *универсальных базовых ценностей*. В основе таких предпочтений лежит одинаковая оценка людьми своих *потребностных состояний*: бесспорно лучшим признается удовлетворенная потребность, а бесспорно худшим – ее депривация.

Иными словами, я убежден в том, что любой психически здоровый человек, будь то мужчина или женщина, мусульманин или христианин, русский или француз, рабочий или ученый, в конечном счете предпочитает: жизнь – смерти, здоровье – нездоровью, внутреннюю свободу – несвободе, общение – одиночеству (не следует путать одиночество и уединение). Человек в норме предпочитает уважительное отношение к себе – презрению, знание – незнанию, красоту – безобразию, справедливость (как минимум к себе) – несправедливости, любовь (обращенную как минимум на себя) – ненависти и так далее.

Сказанное нуждается в важной оговорке, которая предвосхищает возможные возражения против универсальности человеческих ценностей. Спрашивается: можем ли мы считать универсальным мотивационное влечение к здоровью, если люди способны делать жизненный выбор в пользу нездоровья и инвалидности? Можем ли мы настаивать на универсальном влечении к знанию, если человек способен предпочесть «тьме низких истин нас возвышающий обман» и т.д. и т.п.?

Отвечая на эти возражения, я хочу напомнить, что ценностный выбор человека не распространяется на *средства*, которые используются для достижения конечных целей и удовлетворения приоритетных потребностей. Эти средства могут быть очень разными: людям нередко приходится выбирать не между «добром» и «злом», а между разными видами зла, предпочитая зло меньшее злу большему, что заставляет использовать средства, которые сами

эксперименты. Даже преступник, презирающий нормы человеческой морали, вынужден делать ценностный выбор между потребностью в свободе, которая побуждает его к рискованному побегу из тюрьмы, и надобностью защитить себя от последствий возможной неудачи.

²¹ Споры вызывают лишь некоторые физиологические надобности, связанные с различием возраста и пола – ученые дискутируют о наличии сексуальной потребности у детей или о различии между соматическими потребностями мужчин и женщин, вызванных несходством их анатомии и физиологии.

по себе нежелательны для человека. Однако подобный выбор в пользу *меньшего из зол* всегда объясняется стремлением человека к *большему из благ*.

Именно это обстоятельство побуждает дезертиров, для которых ценностное влечение к жизни стоит выше ценностного влечения к здоровью, предпочитать меньшее зло инвалидности большему из зол – гибели на поле боя. Это не значит, что люди не ценят свое здоровье – они жертвуют этим благом ради обретения большего из благ. «Жертва» – это ключевое слово для подобных ситуаций. Человек не может жертвовать тем, что не ценит. Жертва – это всегда отказ от «хорошего» ради «лучшего», к которому мы безальтернативно стремимся.

Точно так же для поклонников Экклезиаста, считающих, что «во многом знании много печали», знание не перестает быть благом, объектом ценностного предпочтения: когнитивную потребность в объективно необходимых человеку знаниях приносят в жертву более важной потребности в душевном комфорте.

Наличие универсальных человеческих ценностей не отменяет, конечно же, колоссальных различий в ценностном сознании людей, принадлежащих разным обществам, культурам, историческим эпохам. Важно понимать, однако, что эти различия связаны не с *набором* базовых ценностей, а с *субординационными связями*, которые возникают между ними. Ценности людей идентичны, но их «удельный вес» в различных культурах различен. Люди одинаковы в выборе *потребностных состояний*, предпочитая удовлетворенную потребность ее депривации, однако очень различаются в выборе своих *потребностных предпочтений*. Все люди ценят жизнь и все люди ценят хорошее качество жизни. Но в экзистенциальной ситуации, когда нельзя сохранить и то и другое, европейский бургер выбирает выживание, а японский самурай предпочитает достойную смерть недостойной, по его убеждениям, жизни.

Ограниченный объем статьи не позволяет мне, к сожалению, рассмотреть основные линии «ценностного разлома» между обществами и цивилизациями, которые связаны с многими причинами, включая различие между «идеациональным» и «сенсатным» истолкованием реальности, в которой мы живем²²; разное «отношение к деянию» (М. Горький), которое порождает расхождения между экстернальным активизмом, направленным на трансформацию внешней среды, и интернальным активизмом, ориентированным на изменение человека; разное восприятие субъект-субъектной проекции жизненного мира, ведущей к конфликту между индивидуализмом и коллективизмом, социоцентристским и антропоцентристским менталитетом и т.д.

В завершение я хотел бы еще раз подчеркнуть фундаментальное различие между *знаниями* как компонентами ориентационного сознания и ценностями как продуктами сознания мотивационного. Суть различия состоит в том, что знания и ценности имеют неодинаковое отношение к институту истины. Я убежден в том, что ценностные предпочтения человека, обращенные к миру должного, а не миру сущего, не подлежат гносеологической экспертизе – они могут быть общезначимыми и даже общеобязательными, но не могут быть истинными или ложными в когнитивном значении этих категорий.

²² См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2020.

Список литературы

- Бутковская М.Л. Эволюция человека и его социальной структуры // Природа. 1998. № 9. С. 87–100.
- Вебер М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. М.И. Левина // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
- Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002.
- Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосский. М.: Эксмо, 2015.
- Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта / Пер. с нем. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 115–217.
- Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. с англ. Т. Гутман, М. Мухина. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008.
- Маслоу А. На подступах к психологии бытия / Пер. с англ. О. Чистякова. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997.
- Момджян К.Х. Универсальные потребности и родовая сущность человека // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 3–14.
- Момджян К.Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25–41.
- Момджян К.Х. Субстанциальный подход в теоретическом обществознании, его необходимость и принципы // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 71–82.
- Момджян К.Х. Родовая сущность человека: к методологии анализа // Человек. 2023. Т. 34. № 1. С. 7–27.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс, 1986.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. В.В. Сапова. М.: Академический проект, 2020.
- Сапольский Р. Биология добра и зла / Пер. с англ. Ю. Аболина, Е. Наймарк. М.: Альпина-нон-фикшн, 2019.
- Уилсон Э. Природа человека / Пер. с англ. Т.О. Новикова. М.: Кучково поле, 2015.
- Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / Пер. с нем. // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. С. 382–424.

Orientation and motivational determinants of social consciousness*

Karen Kh. Momdzhyan

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: karm48@mail.ru

The article considers knowledge and values as invariants of ancestral human consciousness related to its orientational and motivational role in human activity. The task of orientational consciousness is the cognition of the surrounding and encompassing world (the existence of which is postulated as an axiom, doubt in which makes the existence of people de facto impossible). Cognition seeks its own logic of being of the perceived world and gives us verifiable knowledge about it, different from ignorance and delusion. The motivational function of consciousness involves the examination of possible reactions to alternative-free urges of a person in order to choose the best of the behavioural options. The author considers three levels of motivational expertise – emotional, reasoning,

* The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00440 “Analysis of social causality and invariants of social development as a method of overcoming the fragmentation of socio-philosophical cognition”.

and obligatory – which guide people who are forced to choose between the imperatives of pleasant, useful, and due. Due motives form people's value consciousness – a systemic set of strategic preferences associated with the choice of priority ultimate goals of life and, further, the needs funded by them. The author associates the ultimate goals of life with genetically given existential urges to preserve the fact and acceptable quality of life. Need is considered as an objective-real property of a social subject to feel the need for what is necessary to achieve the ultimate goals of life. Existential drives and needs cannot be 'cancelled' by human will, which does not prevent it from interfering in the process of their realisation, making possible existential choice between being and non-being, as well as value ranking of needs. The article considers the determinative connection between historically unchangeable, species-specific needs of people and their basic values, which have a universal character. The author connects differences in the value consciousness of people belonging to different societies and cultures not with the set of basic values, but with subordination links between them, which form different value priorities. The author insists on the fundamental difference between knowledge and values, which is associated with different attitudes to the institution of truth, non-verifiability of human value preferences, oriented towards the world of the due, not the real.

Keywords: man, society, thinking, consciousness, cognition, motivation, truth, values, free will, needs, interests

For citation: Momdzhyan, K.Kh. "Orientatsionnye i motivatsionnye determinanty obshchestvennogo soznaniya" [Orientation and motivational determinants of social consciousness], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 4, pp. 5–22. (In Russian)

References

- Butkovskaya, M.L. "Evoluciya cheloveka i ego social'noj struktury" [The evolution of man and his social structure], *Priroda*, 1998, Vol. 9, pp. 87–100. (In Russian)
- Freud, S. "Po tu storonu principa udovol'stviya" [On the other side of the pleasure principle], in: S. Freud, *Psihologiya bessoznatel'nogo* [The psychology of the unconscious]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1990, pp. 382–424. (In Russian)
- Il'in, E.P. *Motivaciya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. (In Russian)
- Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [A Critique of Pure Reason], transl. by N.O. Lossky. Moscow: Exmo Publ., 2015. (In Russian)
- Marx, K. "18 bryumera Lui Bonaparta" [The 18th brumaire of Louis Bonaparte], in: K. Marks & F. Engels, *Sochineniya* [Collected Papers], Vol. 8. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1957, pp. 115–217. (In Russian)
- Maslow, A. *Motivaciya i lichnost'* [Motivation and personality], transl. by T. Gutman and M. Mukhina, 3rd ed. St. Petersburg: Piter Publ., 2008. (In Russian)
- Maslow, A. *Na podstupah k psihologii bytiya* [Towards a psychology of being], transl. by O. Chistyakova. Moscow: Refle-buk Publ.; Kiev: Vakler Publ., 1997. (In Russian)
- Momdzhyan, K.H. "Rodovaya sushchnost' cheloveka: k metodologii analiza" [The generic essence of man: towards a methodology of analysis], *Chelovek*, 2023, Vol. 34, No. 1, pp. 7–27. (In Russian)
- Momdzhyan, K.H. "O probleme obshchechelovecheskih cennostey" [On the problem of universal human values], *Voprosy filosofii*, 2020, Vol. 3, pp. 25–41. (In Russian)
- Momdzhyan, K.H. "Substancial'nyj podhod v teoreticheskom obshchestvoznanii, ego neobhodimost' i principy" [The Substantial Approach in Theoretical Social Science, Its Necessity and Principles], *Voprosy filosofii*, 2022, Vol. 2, pp. 71–82. (In Russian)
- Momdzhyan, K.H. "Universal'nye potrebnosti i rodovaya sushchnost' cheloveka" [Universal needs and the generic nature of the human being], *Voprosy filosofii*, 2015, Vol. 2, pp. 3–14. (In Russian)

- Prigozhin, I. & Stengers, I. *Poryadok iz haosa* [Order out of Chaos], transl. by Yu.A. Danilov. Moscow: Progress Publ., 1986. (In Russian)
- Sapolsky, R. *Biologiya dobra i zla* [The biology of good and evil], transl. by Y. Abolina and E. Naimark. Moscow: Al'pina-non-fikshn Publ., 2019. (In Russian)
- Weber, M. "Osnovnye ponyatiya sociologii" [Basic concepts of sociology], transl. by M.I. Levin, in: M. Weber, *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 602–643. (In Russian).
- Wilson, E. *Priroda cheloveka* [Human nature], transl. by T.O. Novikova. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2015. (In Russian)